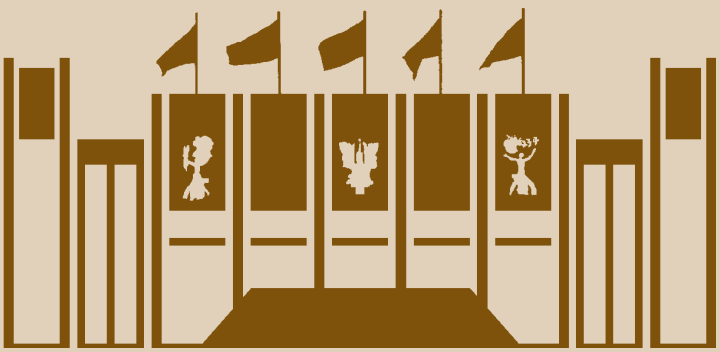
Научно-координационный совет
по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

выпуск 11(40)
декабрь 2008

Ксения Боришполец, Ирина Болгова
Кирилл Коктыш

Перспективы российско-белорусских отношений: вопросов не становится меньше

Центр
постсоветских исследований

ББК 66.4
Б82

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России

Выпуск 11(40)

Декабрь 2008

Тема

«Перспективы российско-белорусских отношений: вопросов не становится меньше»

Главный редактор Александр Орлов

Редактор выпуска Ксения Боришполец

Ведущий редактор Валентина Шанкина

Дизайнер Николай Винник

Компьютерная верстка Анатолий Казанцев

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76, НКСМИ
МГИМО (У) МИД России

E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Издается при поддержке
Центра интернет-политики
МГИМО (У) МИД России

Точка зрения авторов исследований
может не совпадать с позицией и оценками
других специалистов НКСМИ МГИМО (У)

Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
и множительной техники
МГИМО (У) МИД России
119218, Москва,
ул. Новочеремушкинская, 26
Заказ №569. Тираж 500 экз.
Подписано в печать 10.12.2008

© Ксения Петровна Боришполец, 2008.
© Ирина Вячеславовна Болгова, 2008.
© Кирилл Евгеньевич Коктыш, 2008.
© МГИМО (У) МИД России, 2008.

**Научно-координационный совет
по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России**

Центр постсоветских исследований

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

**выпуск 11(40)
декабрь 2008**

*Ксения Боришполец, Ирина Болгова
Кирилл Коктыш*

Перспективы российско-белорусских отношений: вопросов не становится меньше

Москва
МГИМО – Университет
2008

Содержание

А.А. Орлов
Предисловие.....3

К.С. Боришполец, И.В. Болгова
Роль экономических факторов в дальнейшем развитии
российско-белорусских отношений.....4

К.Е. Коктыш
Белорусская политика России: эпоха прагматизации.....13

Предисловие

Взаимоотношения с Белоруссией традиционно входят в обойму наиболее приоритетных вопросов российской внешней политики. Уже более десятилетия реализуется стратегическая цель – создание Союзного государства. Однако темпы осуществления этого масштабного проекта, которые иначе, как черепашьи, назвать нельзя, вызывают противоречивые оценки в политической и экспертной среде. Причем градус оптимизма в отношении достижимости в принципе широко разрекламированной цели в последнее время заметно снизился. Никто не отрицает, что объединение двух самостоятельных государств в единое целое является непростой и трудоемкой задачей. Тем не менее, как показывает опыт объединения Германии, при наличии явно выраженной политической воли даже теоретически более сложная задача, связанная со слиянием государств, исповедовавших различные принципы социально-экономического устройства, может быть успешно решена.

Пробуксовкой в реализации российско-белорусского объединительного проекта вполне явственно стремится воспользоваться Запад, решивший поменять «политику кнута» в отношении Минска на «политику пряника». Во всяком случае, отныне для А.Г. Лукашенко и других членов высшего белорусского руководства открыт путь в страны Евросоюза, где прежде они были персонами «non grata».

В свою очередь белорусский президент в ходе состоявшейся в октябре 2008 года встречи в Минске с премьер-министром России В.В. Путиным уверял, что «мы никогда дружбой с русскими не торгуем»[1], призвал активизировать процесс создания Союзного государства, предложив в качестве конкретных шагов разработать «несколько серьезных программ – достижимых и понятных», и при этом провести ревизию выполнения достигнутых ранее договоренностей. В.В.Путин согласился с главой белорусского государства, выразив мнение, что правильным было бы «сконцентрировать финансовые, административные ресурсы на перспективных направлениях»[2].

Постсоветская история российско-белорусских отношений отмечена целым рядом судьбоносных встреч лидеров двух государств, обещавших прорыв в двустороннем сотрудничестве и интеграции. Исключительно важно, чтобы красивые слова и амбициозные планы были подкреплены реальными делами по созданию Союзного государства, если такая цель по-прежнему остается в повестке дня официальных Москвы и Минска.

НКСМИ намерен продолжать внимательно анализировать состояние российско-белорусских отношений, рассматривая их в качестве одного из узловых элементов внешней политики России.

Александр Орлов,
директор НКСМИ МГИМО (У)

[1] Цит.по: Независимая газета, 7 октября 2008 г.

[2] Там же.

К.П. Боришполец, И.В. Болгова

Роль экономических факторов в дальнейшем развитии российско-белорусских отношений

Процесс построения Союзного государства России и Белоруссии, в основе которого лежит интеграция, осуществляемая преимущественно политическими методами, периодически переживает чрезвычайно напряженные моменты. Результаты, достигнутые за 10 лет существования объединительного проекта, оцениваются как в политической, так и в экспертной среде крайне противоречиво.

В этой связи существенную роль в качественном совершенствовании российско-белорусских отношений играют перспективы взаимодействия двух стран в экономическом формате.

1. Общая характеристика российско-белорусского экономического сотрудничества

Экономическое взаимодействие России и Белоруссии является наиболее тесным на постсоветском пространстве. До настоящего времени экономические системы обеих стран сохранили черты единого хозяйственного комплекса, в котором, по оценкам белорусского руководства, на 95 % интегрирован ТЭК, на 85 % – машиностроение, на 80 % – строительная индустрия и на 65 % – АПК. Российские оценки расходятся с этими показателями незначительно[3].

Российско-белорусские экономические связи формируются по нескольким направлениям.

Внешняя торговля. Роль России как основного внешнеторгового партнера Белоруссии сохраняется на протяжении всего постсоветского периода и характеризуется доминирующим положением по сравнению с другими странами[4]. Она определяется величиной стоимостных показателей и номенклатурой товарообмена, что позволяет прогнозировать лишь незначительные возможности изменения в краткосрочной перспективе.

Россия и Белоруссия в системе взаимных внешнеторговых связей второй половины 1990-х годов(1) и на современном этапе (2)

	Экспорт (% к общему объему)		**Импорт** (% к общему объему)	
	1	2	1	2
Россия	0,04	0,06	0,003	0,09
Белоруссия	53	36,7	51	58,1

[3] По словам государственного секретаря Союзного государства России и Белоруссии П. Бородина, экономики двух стран интегрированы в сфере ТЭК на 97 %, машиностроения – на 85 %, в сельском хозяйстве – на 60 %.
Источник: http://export.polpred.ru/news.html?id=2004&type=paid&country=19

[4] Объем товарооборота с другими странами составляет примерно 5-6% с Германией – 4 % с Великобританией и Польшей – 4 %, с Украиной – 3,6 %, Нидерландами – 3,5 %, Литвой – 1,8 %, Китаем – 1,5%, Италией – 1,5 % и Латвией – 1,4 %. Источник: www.rian.ru31.3.2004/

По итогам 2006 года торговля с Россией составила 36,7 % общего объема экспорта и 58,1 % импорта. При этом темпы роста внешнеторгового товарооборота за последние три года в два-три раза превышали темпы роста ВВП[5]. Постоянно подчеркивая приоритетную значимость партнерства с Россией, белорусские руководители тем не менее указывают на усложнение условий продвижения товаров на российский рынок, в том числе продукции тракторо- и автомобилестроения, но и на необходимость расширения экспорта сельскохозяйственной продукции. Одновременно учитываются и тенденции расширения партнерства с другими странами[6]. За 2006 год белорусские внешнеторговые контакты поддерживались со 159 партнерами[7]. В рамках общего товарооборота постепенно увеличивается доля западных контрактов, но более динамично процесс диверсификации складывается во взаимоотношениях с развивающимися странами, в том числе Китаем и Индией. Ставится задача освоения африканского рынка[8]. Характерно, что Белоруссия достаточно успешно проводит работы по созданию товаропроизводящих предприятий за рубежом, которые реализуют продукцию примерно на 12,4 % от общего экспорта (примерно 916 млн долларов). Экспорт в Россию через эти зарубежные объекты белорусского производства составил 23,4 %[9].

Инвестиции. Инвестиционное измерение в случае с белорусской ситуацией интересно не только в экономическом аспекте, но и для разрешения политической дилеммы: является ли Белоруссия примером страны, в которой особенности существующего режима препятствуют притоку инвестиций. Характерно, что даже при оценке российского инвестиционного потенциала существуют как общие позитивные, так и более нюансированные мнения[10].

Россия выступает лидером среди зарубежных инвесторов в белорусскую экономику. В настоящее время объем российских капиталовложений составляет около 3 млрд долларов, белорусские инвестиции в России выглядят скромнее, но и они превышают 800 млн долларов[11]. Если в 2002 году российские инвестиции в белорусскую экономику

---

[5] Источник: http://www.naviny.by/rubrics/economic/2006/07/26/ic_news_113_256678/

[6] По информации Министерства статистики и анализа Беларуси, в январе–мае 2008 года на долю России приходилось 32,8 % от общего объема белорусского экспорта товаров, который составил 7511,2 млн долларов. На долю остальных стран СНГ – 8,1 %, стран ЕС – 50,4 %, остальных стран – 8,7 % от общего объема белорусского экспорта.
Источник: http://www.naviny.by/rubrics/economic/2006/07/19/ic_news_113_256294/

[7] Источник: http://www.mfa.gov.by/rus/index.php?d=economic/trade&id=2

[8] См: http://www.naviny.by/rubrics/economic/2006/07/26/ic_news_113_256678/

[9] Источник: http://www.naviny.by/rubrics/economic/2006/07/19/ic_news_113_256294

[10] Например, эксперт Центра проблем интеграции Института международных экономических и политических исследований РАН А. Либман полагает, что: «... доля российских инвестиций в Белоруссию по официальным данным МГКС СНГ, накопленные инвестиции в Белоруссию составляют всего 8 %, и я склонен доверять этой цифре. Больше 60 % белорусских предприятий пока находятся в госсобственности. Вместе с тем, у Белоруссии – четвертая по размеру экономика в постсоветском пространстве, и российские инвесторы обязательно пойдут туда, как только изменится политический режим. Правда, в том, что он изменится в ближайшее время, у меня есть очень большие сомнения...». Источник: www.fd.ru/article/13616.html

[11] www.interfintrade.ru/main/news/prime?n_id=29739

составляли 75,7 млн долларов (10 % от общего объема иностранных инвестиций), в 2003 году – 250 млн (19 %), а в 2004 году этот объем вырос до 306,5 млн (20 %)[12]. Однако, устойчивая тенденция к росту российских инвестиций была нарушена в 2006 году, по итогам которого в экономику Белоруссии поступило 398,7 млн долларов российских инвестиций, что составило только 75 % от показателей 2005 года. Вместе с тем, Россия остается основным инвестором в белорусскую экономику. В Белоруссии создано уже более 730 организаций с российским капиталом[13]. По состоянию на 2005 год наиболее активными странами-инвесторами в экономику Белоруссии являются Россия (119,85 млн долларов, или 30,7 % от общего поступления иностранных инвестиций в республику), Швейцария (70,28 млн долларов, или 18%), Австрия (52,48 млн долларов, или 13,5 %), Нидерланды (26,77 млн долларов, или 6,9 %), Кипр (22,71 млн долларов, или 5,8 %)[14]. Вместе с тем, белорусская сторона полагает, что необходимость организованного инвестиционного сотрудничества требует гораздо более активного участия[15].

Многие сложности, с которыми сталкиваются белорусские и российские компании сегодня при выходе на рынок страны-партнера, связаны с отсутствием унифицированной нормативно-правовой базы Союзного государства, в рамках которой бизнес мог бы успешно действовать[16]. Со своей стороны представители российского бизнеса связывают возможное увеличение российских инвестиций в Белоруссию с процессом приватизации, уровнем развития фондового рынка и других составляющих рыночной инфраструктуры. Одновременно в качестве одной из форм развития частного предпринимательства двух стран предлагается заключение концессионных соглашений, правовая основа для которых достаточно проработана[17].

Таким образом, двустороннее экономическое сотрудничество России и Белоруссии, являвшееся до последнего времени проекцией хозяйственных связей советского периода, подошло в своем развитии к этапу, предполагающему внесение кардинальных изменений. Самую существенную роль при этом играют не только различия в представлениях сторон о проведении преобразований, но и фактор объективного неравенства масштабов интегрируемых хозяйственных систем. Приводившиеся выше белорусские оценки относительно высокого уровня объединительных тенденций на различных направлениях экономической деятельности (в переводе на язык политической практики) означают, что функционирование хозяйственной системы Белоруссии без прямой российской поддержки невозможно. Тем не менее Россия не обладает влиянием на развитие сложившегося де-факто «белорусского анклава» своего экономического пространства, управлением

[12] www.ivr.ru/news/archive.php?showmode=&showid=2&day=11&month=2&ye

[13] http://www.mezhdunarodnik.ru/digest/3430.html

[14] Источник: otrasl.webplan.ru/cgi-bin/newsp.cgi?idn=31921&ot=

[15] www.ivr.ru/news/archive.php?showmode=&showid=2&day=11&month=2&ye

[16] www.ivr.ru/news/archive.php?showmode=&showid=2&day=11&month=2&ye

[17] http://export.polpred.ru/news.html?id=6031&type=paid&country=19. 21.04.05.

его хозяйственными рисками, и, следовательно, не может ожидать снижения затрат в контексте интеграционных процессов.

2. Развитие российско-белорусских интеграционных процессов в экономической сфере

Начиная с 2001 года, Россия и Белоруссия проводят активную работу по созданию единого экономического пространства[18]. По словам Госсекретаря Союзного государства Павла Бородина, «общий бюджет в 1999 году составлял 500 миллионов российских рублей, а в 2008-м будет – 4 миллиарда, на 10 % больше, чем в 2007 году. Из них 40 % – производственные программы, направленные на развитие автомобилестроения, сельхозмашиностроения, военно-технического сотрудничества, обустройство общей границы на западе и тому подобное»[19]. В частности, в интеграционном формате развиваются Союзные программы по оборонному, пограничному и военно-техническому сотрудничеству, к которым подключены 280 предприятий и организаций двух стран, что позволило обеспечить работой около 400 тыс. высококвалифицированных специалистов оборонно-промышленного комплекса[20]. Положительный экономический эффект приносят также такие союзные программы как «Развитие дизельного машиностроения на период до 2008 года», «Развитие и внедрение в государствах-участниках Союзного государства наукоемких компьютерных технологий на базе мультипроцессорных вычислительных систем», «Создание и организация серийного производства оборудования для выпуска специальных химических волокон на 2002–2006 годы», «Создание высокоэффективных и биологически безопасных лекарственных препаратов нового поколения на основе белков человека, получаемых из молока трансгенных животных»[21].

Вместе с тем, в процессе российско-белорусской интеграции сохраняется ряд нерешенных проблем, которые отражают, с одной стороны, объективные различия экономических потенциалов двух стран, а с другой – различия методов и темпов рыночных реформ. К настоящему времени не достигнута унификация налогово-бюджетной политики и не согласованы предложения по единому эмиссионному центру Союзного государства, а также ряд технических вопросов межбанковского уровня, что откладывает введение единой денежной единицы Союзного государства[22].

В целом достигнутый уровень интеграционного взаимодействия России и Белоруссии не создает однозначную картину. Он опирается на достаточно широкий спектр областей сотрудничества, но одновременно сохраняется неопределенность в ряде ключевых вопросов

[18] С 1998 по 2006 годы бюджет Союзного государства увеличился в пять раз и намного превышает бюджет структур СНГ. Из него профинансировано более 30 союзных программ. Источник: http://www.mezhdunarodnik.ru/digest/3430.html.

[19] Работа без перерыва. Совет Министров решил: союзное строительство будет идти по плану // Союз. Беларусь – Россия (Приложение к «Российской Газете»), № 333, 25 октября 2007 г. // http://www.rg.ru/2007/10/25/zubkov-sidorsky.html

[20] Источник: www.akdi.ru/id/izdania/e_life/arch/2005/16/032079eg.htm • 08.02.2006

[21] Источник: http://www.mezhdunarodnik.ru/digest/3430.html

[22] http://www.mezhdunarodnik.ru/digest/3430.html

хозяйственной стратегии. Это создает предпосылки конкуренции интересов, связанных с различными профильными направлениями государственной политики в обеих странах (особенно в России) и усиливает роль субъективных моментов при формулировании задач практической деятельности.

3. Межрегиональные связи как фактор экономического сотрудничества России и Белоруссии

На современном этапе прямые хозяйственные связи белорусских и российских регионов выступают как одно из приоритетных направлений экономического взаимодействия двух стран, которое развивается при значительной поддержке белорусского руководства[23].

Белорусские структуры активно сотрудничают с различными торгово-экономическими ассоциациями в регионах Российской Федерации, среди которых лидируют такие, как «Центральная Россия», «Сибирское Соглашение» и «Северо-Запад». Их доля в общем товарообороте двух стран занимает более 75 %. Товаропроводящая сеть представлена сегодня на рынке субъектами хозяйствования в виде торговых домов в Москве, Санкт-Петербурге, Брянске, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Смоленске, Екатеринбурге, Волгограде, Владимире, Чебоксарах, Твери, Костроме, Оренбурге, Омске.

Например, в 2006 году взаимный товарооборот Белоруссии и Санкт-Петербурга превысил 928 млрд долларов – город по этому показателю занял четвертое место среди российских регионов, с которыми торгует Белоруссия. При этом, для Санкт-Петербурга Белоруссия занимает первое место среди стран СНГ. За восемь месяцев 2007 года взаимные поставки товаров увеличились еще на 30 %[24].

Среди соглашений на региональном уровне важно упомянуть соглашение между Калининградской областью и Белоруссией, в котором оговариваются стратегические подходы к развитию Калининградской области и участие в этом Белоруссии. Минск готов передать свои технологии по производству техники в обмен на доступ к плодородным калининградским землям. В рамках двустороннего сотрудничества между Калининградской областью и Белоруссией в конце 2005 года была подписана программа на 2006–2010 годы, которая предусматривает поставки белорусской техники и стройматериалов, грузоперевозку белорусских грузов через порты Калининграда.

Нижегородская область по объему товарооборота с Белоруссией занимает седьмое место среди российских регионов. Объем товарооборота между Нижегородской областью и республикой Беларусь в 2006 году составил 417,2 млн долларов, что на 56,1 % больше, чем в 2005 году. Экспорт в Нижегородскую область из Белоруссии в 2006 году вырос на 56 % и достиг 212,5 млн долларов. Импорт из Нижегородской области в Белоруссию в 2006 году вырос на 56,1 % и составил 204,7 млн

[23] В 2005 году в Белоруссии идея межрегионального сотрудничества была юридически оформлена в рамках правительственной концепции «Единая стратегия сотрудничества с регионами России», целью которой является поощрение экспорта товаров и услуг.

[24] С Невы на Свислочь. Санкт-Петербург и Беларусь принимают «встречные» планы //Союз. Беларусь-Россия (приложение к «Российской газете»), №334, 01.11.2007 г. (http://www.rg.ru/2007/11/01/piter.html).

долларов. Основу экспорта из Белоруссии составляют поставки частей и оборудования для автомобилей и тракторов, пищевой продукции, холодильников, электроприборы. Основой экспорта Нижегородской области в Белоруссию в прошлом году стали автомобильная техника и компоненты, оборудование, металлургическая продукция, бумажная продукция, органические химические соединения, полимерные материалы, электротехническое оборудование.

Целый ряд российских регионов получает очевидные выгоды от сотрудничества в рамках «союзных программ». В частности, программа по дизельному машиностроению, по словам депутата Государственной Думы РФ от Ярославской области Александра Сизова, вернула к жизни Ярославский моторный завод, который стал давать 200 млн рублей в бюджеты разных уровней[25].

В целом Белоруссия имеет тесные торговые и экономические связи с 80 из 89 регионов РФ. Для осуществления межрегионального сотрудничества созданы и работают 170 договоров и соглашений в области экономики, науки и культуры. Наиболее тесные контакты существуют с Москвой, Санкт-Петербургом, Московской и Смоленской областями. Важным аспектом регионального сотрудничества является расширение участия в нем частного бизнеса, что было продемонстрировано в ходе состоявшегося осенью 2005 года Первого российско-белорусского экономического форума.

Выступая значимым фактором углубления двустороннего экономического сотрудничества России и Белоруссии, межрегиональные связи особенно успешно развивались в первой половине нынешнего десятилетия. Они стали самым существенным резервом расширения экспортного потенциала Белоруссии и функционирования ее обрабатывающей промышленности. Кроме того, благодаря диверсификации и мозаичности, российско-белорусские межрегиональные связи являются сравнительно «нечувствительными» к любым корректировкам внешнеэкономической политики, которые могут быть предприняты на государственном уровне, что создает дополнительную «страховку» для белорусской стороны.

4. Сотрудничество России и Белоруссии в сфере ТЭК

Зависимость Белоруссии от энергопоставок из России, с одной стороны, и ее геоэкономическое положение – с другой, определяют особый характер взаимозависимости экономических систем обеих стран, которая сохранится в среднесрочной перспективе. Хотя многомесячный «газовый» конфликт России и Белоруссии завершился подписанием 31 декабря 2006 года контракта на компромиссных условиях[26], проблема ценообразования на энергоносители окончательно не урегулирована.

---

[25] Была бы воля, а решение найдется. «Круглый стол» в Госдуме по вопросам интеграции // Союз. Беларусь – Россия (Приложение к «Российской Газете»), № 263, 25 мая 2006 г. http://www.rg.ru/2006/05/25/stol.html

[26] В соответствии с подписанным контрактом, в 2007 году газ в Белоруссию поставлялся по цене 100 долларов за 1 тыс. куб. м, однако до 2011 года цена должна поэтапно повышаться до среднеевропейского уровня. При этом «Газпром» согласился с аудиторской оценкой стоимости АО «Белтрансгаз» (5 млрд долларов) и обязался в течение четырех лет равными долями оплатить половину этой стоимости, в результате чего российская компания должна получить 50 % акций белорусского предприятия. Одно-

В этом контексте необходимо подчеркнуть, что газовый конфликт России и Белоруссии послужил своего рода катализатором смещения внешнеполитического вектора Минска в сторону Европейского Союза. В интервью информационному агентству «Рейтер» в марте 2007 года А.Г. Лукашенко охарактеризовал итоги российско-белорусского конфликта как «уничтожение экономической основы наших отношений, что являлось фундаментом нашего союза»[27]. Там же белорусский лидер определил и основы своей политики в отношении Запада: «Мы всегда хотели наладить отношения с Западом... Мы давно говорим, что нам надо нормализовать отношения... Я признаю ошибку и недостаток нашей внешней политики, что она получилась одновекторная, с вектором в сторону России. И мы фактически потеряли Запад. Мы стояли на одной ноге, а должны стоять на двух».

Такое декларирование изменений во внешнеполитическом курсе страны устами самого А.Г. Лукашенко и других представителей политической элиты Белоруссии во многом связано с неудовлетворенностью развитием отношений с Россией в 2006–2007 годах, а также является результатом действий самого Европейского Союза. Так, смягчению напряженности в отношениях между Брюсселем и Минском способствовала позиция, занятая руководством ЕС по вопросу российско-белорусского конфликта. Как подчеркнул А.Г. Лукашенко: «запад впервые посмотрел на нас объективно во время последнего нефтяного кризиса с Россией»[28].

Здесь необходимо отметить, что Европейский Союз определенно сочувствовал Белоруссии. Тогда как действия России были расценены западным обществом крайне негативно, Белоруссия рассматривалась как очередная «жертва» российской политики. В частности, действия России подвергла критике канцлер Германии А. Меркель, заявившая, что «такое обращение, как с Беларусью в свежем нефтяном конфликте, неприемлемо ни в отношении соседей, ни в отношении ЕС»[29].

12 декабря 2006 года на заседании Совета директоров Европейского Банка Реконструкции и Развития (ЕБРР) была одобрена новая стратегия для Белоруссии, предусматривающая расширение деятельности банка в сфере кредитования малого и среднего бизнеса[30]. В целом стилистика стратегии носит скорее «примирительный», нежели «обличительный» характер, что опосредованно указывает на смягчение позиции европейцев в отношении Белоруссии в последние месяцы[31].

временно плата за транзит российского газа по трубам «Белтрансгаза» была увеличена с 0,75 до 1,45 долларов за транспортировку 1 тыс. куб. м на расстояние 100 км.

[27] http://www.intelros.ru/2007/03/13/intervju_prezidenta_belorussii_aleksandra_lukashenko_informacionnomu_agentstvu_rejjter.html

[28] Рар А. Лукашенко: Оппозиция в Беларуси вовсе не запрещена // Инопресса. – 2007. – № 1835. – 25 января. (Оригинал статьи опубликован на немецком яз. в газете «Die Welt» 25.01.2007).

[29] Информационное агентство «Белта», 12 января 2007 г.

[30] См.: Стратегия для Беларуси: документ Европейского Банка Реконструкции и Развития. (Официальный сайт ЕБРР http://www.ebrd.com/about/strategy/country/belarus/strtbel.pdf).

[31] Россия – Евросоюз – страны СНГ: экономические и политические отношения на пространстве общего соседства // Институт экономики РАН, Национальный инвестиционный совет. – Москва, 2007. – С.105.

При этом, однако, не стоит слишком серьезно воспринимать рассмотренное «потепление» отношений между Белоруссией и Западом. Несмотря на существующие изменения, характер отношений, который сложился между Минском и Брюсселем с 1996– 1997 годов, на данном этапе позволяет говорить лишь о первых шагах в налаживании конструктивного диалога. У двух сторон практически отсутствует формальная правовая база отношений (не ратифицировано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1996 года, участие Белоруссии в программах Европейской политики соседства остается лимитированным в силу политических разногласий с ЕС), однако наличие перспектив определенного поэтапного прогресса в отношениях Минска с европейскими государствами и дальнейшего усиления влияния ЕС в регионе объективно не следует недооценивать.

Помимо внешнеполитических сдвигов, российско-белорусский газовый конфликт имел и внутренние последствия для Белоруссии. Его итоги отчасти стали катализатором действий белорусского руководства по приватизации активов государственных промышленных предприятий. Однако правительство не планирует проводить эти реформы по законам рыночной экономики и постарается оставить объекты белорусской экономики в руках отечественных компаний, а точнее, собственных высших госчиновников[32].

Нынешний этап реформирования экономики Белоруссии, на наш взгляд, способен ослабить российские рычаги влияния на нее и значительно сократить возможности сохранения экономического контроля. Вопрос о возможностях упрочения этого контроля в контексте активизации шагов по созданию Таможенного союза, российско-белорусских инновационных проектов, представленных на октябрьском заседании 2008 года Совета министров Союзного государства в Минске, «мягкого пути» валютной интеграции (валютный пул России и Белоруссии) в значительной степени остается открытым. Одновременно все большую важность приобретает проблема тактических шагов по оптимизации форматов взаимных расчетов двух стран за поставки российского углеводородного сырья.

* * *

Оценивая итоги экономического сотрудничества России с Белоруссией, важно отметить следующее:

1. Двусторонние отношения строятся не столько на прагматическом расчете и рыночной целесообразности, сколько на сложном переплетении экономики и политики. В качестве среды, в которой осуществляется сотрудничество, выступают тесные цивилизационные узы и массовые общественные предпочтения населения обеих стран.

2. Единое экономическое пространство России и Белоруссии пока опирается преимущественно на традиционный потенциал, но в последнее время все больше характеризуется заметными инновациями. Важнейшими из инновационных моментов являются рыночные

[32] Подробнее о «приватизации по-белорусски» см. : Белоруссия находится на грани дефолта // НГ. – 2007. – 19 сентября.

условия поставок российских энергоносителей, а также расширение участия российского и белорусского бизнеса в интеграционных процессах на межрегиональном уровне.

3. Российская поддержка остается решающим условием стабильности белорусской хозяйственной системы. Однако новые тенденции в развитии Белоруссии, связанные с прагматичным подходом России к формированию экспортных цен на энергоносители и стремлением Белоруссии к активизации «западного вектора» сотрудничества, влекут за собой очередной виток торможения двусторонней интеграции.

4. Позиции белорусской стороны по всем проблемам интеграционного взаимодействия представляются достаточно эшелонированными и «застрахованными» благодаря диверсифицированным связям многочисленных субъектов хозяйственной деятельности с российскими партнерами, осуществляемыми на межрегиональном уровне.

5. Материальные «издержки», которые несет белорусская сторона в ходе корректировки энергетической политики России, как и вынужденного перехода к рыночной трансформации национальной хозяйственной системы, пока находятся на приемлемом для белорусской элиты уровне. Одновременно в краткосрочной перспективе эти издержки могут стать дополнительным фактором сплочения высшего и отчасти среднего слоя правящих кругов вокруг нынешнего белорусского президента.

К.Е. Коктыш
Белорусская политика России: эпоха прагматизации

На взгляд внешнего наблюдателя, белорусская политика России большую часть постсоветского периода вполне производила, да и продолжает производить, впечатление политики, целиком и полностью базирующейся на метафизических основаниях высшего порядка, едва ли сильно отягощенных прагматической политической реальностью. В течение последних 12 лет Россия с готовностью дотировала белорусскую экономику (от льготных цен на газ до списывания долгов), вложив в Белоруссию в общей сложности сумму порядка 42 млрд долларов, и с неизменной решительностью шла на политические издержки, связанные с критикой Западом ее поддержки белорусского режима. При этом столь масштабные вложения не выливались ни в заметный рост присутствия российского капитала в Белоруссии (он представлен в основном лишь российскими нефтяными корпорациями, не имеющими иной транзитной альтернативы), ни в укрепление политического влияния России внутри Белоруссии. Так, с прекращением прямой трансляции российских телеканалов на Белоруссию в 2002–2003 годы практически единственным инструментом российско-белорусской коммуникации являются двусторонние встречи на высшем уровне.

Тем не менее такой порядок вещей долгое время явно не воспринимался в Москве как противоречащий изначальному замыслу. В течение всего периода пребывания у власти президента Б.Н. Ельцина и вплоть до середины 2002 года, когда ставшая знаменитой реплика В.В. Путина о «мухах и котлетах» стала явным маркером неудовлетворенности российского руководства существующим положением дел и его созревшего желания реконцептуализировать сложившийся тип отношений. Однако и эта реплика не стала видимым «поворотным пунктом», на наблюдаемом уровне отношений не изменилось ничего, и вплоть до нефтегазового конфликта 2006 года формат отношений с Белоруссией оставался прежним.

Справедливости ради надо отметить, что таким «дотационным» образом были устроены отнюдь не только отношения России с Белоруссией. На протяжении всего постсоветского периода Россия в той либо иной степени дотировала практически все постсоветские страны, не получая, как правило, взамен ни сопоставимой экономической, ни политической компенсации. Правда, в остальных случаях речь шла в основном о существенно меньших масштабах, чем это было на белорусском направлении, хотя и это дотирование постсоветских стран никак нельзя было назвать символическим. Кроме того, в остальных случаях дотирование осуществлялось как временная мера, неизбежная в период перехода от единого советского прошлого к полноценным отношениям «субъект – субъект», и по мере выстраивания и институционализации этих отношений оно постепенно отмирало как практика. С приходом В.В. Путина к власти в 2000 году этот процесс заметно интенсифицировался и с большинством стран СНГ довольно

быстро приобрел завершенные формы. С Белоруссией же процесс институционализации двусторонних отношений практически не начинался вплоть до конца 2006 года, а любые попытки его инициирования Москвой, как правило, тут же наталкивались на интенсивное противодействие как Минска, так и ряда внутрироссийских политических субъектов и довольно быстро сходили на «нет».

Объяснением и причиной «особости» отношений с Белоруссией, с российской стороны выражавшихся, как мы уже отметили, в дотировании белорусской экономики и в оплате внешнеполитических издержек, связанных с поддержкой белорусского президента А.Г. Лукашенко, служил союзный договор – заключенное в 1996 году соглашение о намерении создать единое российско-белорусское государство. На уровне реальной интеграции соглашение за двенадцать лет своего существования обеспечило довольно скромный прогресс, однако это ни в коей мере не служило аргументом для пересмотра сложившейся парадигмы взаимоотношений ни до момента произнесения В.В. Путиным упоминавшейся реплики, ни после него. Так, еще в начале 2006 года Россия решительно и однозначно сохранила для Белоруссии льготные цены на газ до конца года, в то время когда все остальные постсоветские контрагенты, включая Украину, столкнулись с необходимостью платить за газ по рыночной формуле. Столь же решительно Россия признала и результаты президентских выборов в Белоруссии в марте 2006 года, радикально разойдясь в этом плане и с США, и с Европой, которые отказались признать выборы легитимными.

Тем более громом среди ясного неба выглядело на этом фоне объявление Газпромом в конце марта 2006 года, то есть сразу же после российского признания результатов выборов в Белоруссии, о намерении ввести рыночную цену на газ для Белоруссии со следующего, 2007 года. Дальнейшее развитие событий только подтвердило твердость линии России и неслучайность газпромовского заявления: все последовавшие после этого момента встречи на высшем уровне не только не сблизили позиции сторон по газовому вопросу, но, напротив, обнаружили явное нарастание их поляризации. Так, позиция белорусского президента, сводившаяся к тому, что вопрос о поставках газа – вопрос политический, и должен решаться в рамках политической логики союзного государства, натолкнулась на твердую позицию В.В. Путина, что этот вопрос – экономический, и должен решаться в первую очередь на основе законов экономики.

Столь резкий поворот, нелогичный для внешнего взгляда, породил достаточно много противоречивых толков и суждений. Ситуация и впрямь может выглядеть совершенно нелогичной, особенно если исходить из распространенного допущения, что ценности в решающей мере определяют принятие внешнеполитических решений: Евросоюз, при всей своей антиавторитарной и антидиктаторской риторике, так и не ввел никаких реальных санкций в отношении Белоруссии; Россия, никогда не подвергавшая сомнению легитимность режима, и большей частью старавшаяся воздерживаться от ценностной риторики при мотивации своих внешнеполитических решений, по сути

объявила о намерении ввести экономические санкции в отношении своего пусть специфического, но союзника.

Нелогичность политики, впрочем, гораздо чаще представляется таковой неискушенному внешнему наблюдателю, нежели является ею на самом деле. Период путинского правления, в отличие от ельцинского, как раз был отмечен четкой внутренней логикой и последовательностью своей политики, при том что сама эта логика, как правило, в развернутом виде публично не озвучивалась. Время показало, что изменение белорусской политики России отнюдь не было разовой эмоциональной реакцией на тот либо иной демарш белорусского руководства, тем более что таких реакций не наблюдалось и до того, даже в случае самых демонстративных белорусских демаршей. Решения, часть которых была принята еще задолго до кризиса (начатое в 2003 году и завершенное в 2006 году строительство под Петербургом станции обнаружения пусков ракет, по сути замещающей аналогичную российскую станцию на белорусской территории под Вилейкой; строительство Североевропейского газопровода, позволяющего существенно сократить российский газовый транзит через Белоруссию и Украину), а часть – по его факту (строительство второй ветки Балтийской трубопроводной системы в обход Белоруссии, готовое стартовать в любой момент), свидетельствуют о том, что речь идет о внутренне логичной и, очевидно, вполне продуманной долгосрочной стратегии. Соответственно, в контексте этой стратегии возникает потребность дать ответ на вопрос о том, а в чем, собственно, состоял и состоит замысел «союзного проекта»? Мы можем констатировать, что этот замысел по ходу явно неоднократно пересматривался обеими сторонами, предположительно избавляясь от части прежнего наполнения и обретая новое, пока, наконец, окончательно не исчез из верхней части шкалы российских приоритетов вместе с нефтегазовым скандалом конца 2006 года, но при этом закрепился где-то в ее середине.

Перманентный транзит

Союзный проект, как известно, предполагает перспективное объединение Белоруссии и России в единое государство – с единой валютой, единым законодательством и единым политическим руководством. Достижение этой цели, впрочем, крайне проблематично: принятие Белоруссии в состав России в качестве субъекта, либо совокупности субъектов Российской Федерации по понятным причинам не может устраивать Минск. Предоставление же Белоруссии особых прав в той же мере невозможно для Москвы, поскольку тут же спровоцирует требования распространения «особости» и на национальные республики внутри России. Тем не менее, эти соображения до сих пор не ставили под сомнение саму возможность объединения: по общему мнению, широко распространенному в России как в верхах, так и, что едва ли не более важно, на уровне установок массового сознания, Россия и Белоруссия находятся в переходном – на пути к союзу – состоянии.

Это состояние «переходности» само по себе объясняет многое. В частности, оно объясняет тот факт, почему процесс институциона-

лизации двусторонних отношений, то есть перехода от взаимодействия людей, представляющих власть, к взаимодействию институтов, действующих по фиксированным правилам игры, так или иначе состоялся в отношениях России со всеми странами бывшего СССР, но только не в отношениях с Белоруссией. Переходность отрицает институционализацию, поскольку та, по сути, только затягивает продолжительность переходного периода. Любые решения, любые транзакции, таким образом, воспринимаются как разовая и временная мера, принятая по конкретному поводу. При этом исключение, не воспринимаясь как прецедент, становится устойчивой практикой: любые издержки, по идее, будут компенсированы и выправлены по завершении переходного процесса, во время «пути же» все, что способствует достижению цели, становится вполне приемлемым.

Что скрывалось за состоянием «переходности», в чем оно состояло и в силу чего явно оказалось завершенным – по крайней мере, в рамках российского восприятия? Очевидно, чтобы разобраться с этим, нам не обойтись без некоего экскурса в историю союзных отношений Белоруссии и России.

Изначальный замысел: пиар-инструмент для решения реальных проблем

Проект союзного объединения, как известно, был инициирован Белоруссией еще в 1994 году, когда президент А.Г. Лукашенко победил на президентских выборах на волне интеграционных обещаний. Эти обещания ложились вовсе не на пустую почву: союзные отношения виделись большинством белорусского населения как выход из того глубокого кризиса, в котором оказалась экономика Белоруссии с распадом Советского Союза.

Белоруссия практически не обладает природными ресурсами. При этом ее экономика на 80 % состояла из крупных, союзного масштаба предприятий финального цикла производства, в первую очередь в области тяжелого и среднего машиностроения. С полным основанием называясь «сборочным цехом» Советского Союза, Белоруссия зависела от общесоюзного рынка в поставках ресурсов и углеводородов и в сбыте готовой продукции так, как не зависела ни одна другая республика бывшего СССР. Степень кризиса, в котором Белоруссия оказалась с распадом СССР, становится понятной, если учесть, например, что для удовлетворения собственных нужд в той же продукции машиностроения ей требовалось лишь порядка 10 % от общего объема производства отрасли.

Предприятия при этом в большинстве своем не модернизировались со второй половины 1980-х годов и, соответственно, были энергоемкими. Доля энергозатрат в себестоимости конечной продукции доходила до 40 %, как, например, это происходило с производством цемента. Рыночные цены на газ автоматически делали абсолютное большинство белорусской продукции нерентабельной. Союзный проект, таким образом, рассматривался белорусской стороной в первую очередь как возможность доступа к российским энергоресурсам как минимум по внутрироссийским ценам.

Россия, впрочем, на тот момент была заинтересована в союзном проекте ничуть не меньше. Провал экономических реформ начала 1990-х годов породил массовое обнищание населения и состояние всеобщей и глубокой фрустрации. На этом фоне начался процесс бурного роста сепаратистких настроений, сопровождавшихся не менее бурным усилением местных национализмов. Татарстан и Башкортостан уже практически получили на тот момент фактический суверенитет по отношению к центральной власти, аналогичные процессы начинались в Калмыкии и Якутии. Неудачная попытка остановить «парад суверенизации» с помощью чеченской войны только подхлестнула ход событий, и породила всеобщие катастрофические ожидания распада.

На этом фоне демонстрация российскому населению интеграционной привлекательности России на пике ее слабости оказалась парадоксальным, но при этом сильным и вполне просчитанным ходом. Дальнейшее развитие подтвердило правильность расчета: интеграционный проект, начавшийся с заключением Таможенного союза в январе 1995 года, и продолженный заключением договора о создании Союзного государства в апреле 1996 года, оказался тем инструментом, который позволил Кремлю в критический момент сохранить и восстановить управляемость, а затем и преломить центробежные тенденции в центростремительные. Этим, собственно, и объясняется совершенно особая роль интегративной идеи в массовом сознании России: идея союза с Белоруссией стала одной из безусловных его ценностей, а сам союзный договор воспринимался обществом практически единственным значимым достижением Б.Н. Ельцина за весь период его правления.

Впрочем, на уровне реальной политики речь, разумеется, шла не столько о реальном объединении, сколько о взаимовыгодной сделке первых лиц по формуле «ресурсы в обмен на интеграционную риторику». Каждая из сторон с помощью союзного проекта решала в первую очередь свои внутренние, вполне острые, и вполне далекие от декларировавшихся целей проблемы. Так, в то время как Б.Н. Ельцин получил в свои руки инструмент для сохранения страны и вполне успешно стал им пользоваться, А.Г. Лукашенко, получив доступ к дешевым энергоресурсам, увидел для себя шанс стать не просто влиятельным и сильным политиком, а фактически демиургом, непосредственно волей своей творящим и политическую, и экономическую реальность Белоруссии.

Дешевый же газ чудесным образом позволял производить конкурентоспособную продукцию без всякой модернизации производства. Более того, фактор дешевого газа обеспечил А.Г. Лукашенко и политическим ресурсом, столь мощным, что о подобном не мог мечтать ни один иной политический лидер на всем постсоветском пространстве, включая Россию. Так, газ транспортируется на предприятия по системе трубопроводов Белтрансгаза, который до недавнего времени являлся 100%-ой государственной собственностью[33].

[33] На сегодня Газпром является собственником 25 % акций Белтрансгаза и в ближайшие два года выкупит еще 25 %, однако это не приведет к вмешательству Газпрома в непосредственное управление предприятием.

Управление же Белтрансгазом, в свою очередь, открывало возможность политическим образом, то есть простым решением, влиять на стоимость энергоресурсов для того либо иного предприятия, тем самым формируя себестоимость его конечной продукции в пределах от нерентабельности до весьма высокой рентабельности.

Обретенный ресурс был использован в полной мере. С этого момента вся промышленность Белоруссии стала работать в рамках политической, а вовсе не экономической логики. Крупные производства были запущены на полную мощность безотносительно к рентабельности производимой продукции. Регулярная выплата зарплат уже сама по себе сделала проблематичной протестную мобилизацию рабочих; однако для верности был ликвидирован – как политическая сила – и слой «красных директоров», руководителей крупных предприятий, формировавших костяк номенклатуры при премьере В.Ф. Кебиче. Из влиятельных политических фигур и вершителей судеб, по меньшей мере, в рамках собственных предприятий, они превратились не более чем в исполнителей, чья эффективность при такого рода «газовом регулировании» стала зависеть куда больше от их лояльности власти, нежели от профессиональных навыков и умений. После нескольких показательных репрессий в отношении отдельных директоров экономическая система, получившая в итоге название «социально ориентированной», довольно быстро утвердилась в качестве устойчивой. При этом, следует отметить, что такого рода терминология представляется вполне обоснованной: в отношении Белоруссии на самом деле уместно говорить о социальном контракте власти и населения, когда власть, обеспечив минимально приемлемый социальный стандарт, по сути смогла убедить общество принять для себя стратегию exit'a («выхода»), в терминологии Хиршмана[34], как наиболее рациональную альтернативу.

Завоеванный плацдарм в виде центрального сегмента экономики тут же был использован для широкомасштабного наступления на частный бизнес. Уже к середине 1996 года были фактически ликвидированы все сколь-нибудь крупные частные субъекты хозяйствования, самим фактом своего существования воплощавшие альтернативу государственной форме собственности. Тем самым в зародыше была устранена сама возможность формирования оппозиции как политической силы, а не как клуба индивидуумов: не имея в основе своих требований реальных экономических интересов в виде отдельной от государства экономической базы и не имея шансов их обрести, оппозиция институционально оказалась обречена на диссидентство. Монополизация медийного пространства завершилась еще раньше – в конце 1994 года. В результате всего этого с внесением изменений в конституцию в ноябре 1996 года, придавших парламенту фактически совещательный статус, А.Г. Лукашенко стал единственным политическим и экономическим субъектом в Белоруссии: все остальное обрело статус не более чем эманации его властной воли.

[34] Hirschmann A. Voice, Exit and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations and States. – Cambridge.1970.

Эволюция «союзного проекта»: от внутриполитического пиар-инструмента к внешнеполитическому

Тем не менее изначальная природа союзного проекта как средства легитимации решения вполне далеких от реальной интеграции проблем вовсе не исключала самой возможности объединения. Особенно если учесть, что идея союза стала безусловной ценностью в России, и оставалась по-прежнему вполне важной для подкрепления власти Б.Н. Ельцина, но могла быть вовсе не столь актуальной для того, кто пришел бы ему на смену. Вероятно, последний фактор и был решающим, когда А.Г. Лукашенко, сконцентрировавший у себя в руках всю реальную политическую и экономическую власть в республике, несколько неожиданно для российской правящей элиты стал демонстрировать заинтересованность не в процессе, что было бы естественно, а в результате – то есть в образовании реального Союзного государства.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы это было нелогичным. Инициируя разговор о реальном объединении, А.Г. Лукашенко играл во вполне беспроигрышную игру. В случае, если бы объединение дало ему реальные шансы возглавить новое государство, оно, разумеется, состоялось бы. Если же таких шансов не было, то возможность «дать задний ход» у белорусского президента, ставшего единственным политико-экономическим субъектом в Белоруссии, всегда имелась в запасе. Но при этом в любом случае складывалась ситуация, когда ценность союзной идеи становилась для российского населения достаточно актуализированной: любой новый президент, пришедший на смену зависимому от «фактора союза» Б.Н. Ельцину, уже не мог бы найти иного выхода, кроме как дотировать «союзного» А.Г. Лукашенко. Забегая вперед, отметим, что последняя часть планов А.Г. Лукашенко реализовалась в полной мере.

Начатая А.Г. Лукашенко после 1996 года энергичная пиар-кампания в российском информационном пространстве, позиционировавшая его в качестве главного объединителя славянских народов и естественного претендента на первый пост в новом объединенном государстве, была более чем интенсивной. А.Г. Лукашенко посетил порядка двух третей российских регионов, в ряде случаев достигнув с губернаторами вполне предметных договоренностей. Тогда же впервые возник и начал в пику Б.Н. Ельцину интенсивно продвигаться в российском информационном пространстве образ «белорусской модели», которая преподносилась в качестве полноценной альтернативы российской приватизации. Разумеется, вопросы жизнеспособности «белорусской модели» в отсутствие российского финансирования, достигавшего в тот период 3,5–4 млрд долларов в год, оставались попросту за скобками.

Впрочем, демонстрация белорусской успешности вовсе не выливалась в экспансию союзного российского капитала. Российский капитал приходил, но, как правило, не приживался: как мы уже отмечали, к концу 1990-х годов в Белоруссии оставался лишь нефтяной российский бизнес, который скорее структурно, нежели экономически оказался привязан к Белоруссии. Правда, вещи становятся на свои места, если исходить из логики, что в качестве «покупателя»

мыслился не российский бизнес, а российский электорат, и речь шла не о продаже предприятий, а о «продаже», собственно, политической фигуры белорусского президента – в качестве кандидата на пост носителя верховной власти в союзном пространстве.

Оказавшись, таким образом, под «интеграционной атакой» со стороны белорусского союзника и столкнувшись уже внутри России с нарастающим эффектом «пятой колонны», контролируемой скорее белорусским президентом, нежели кем-либо иным, Кремль пришел к необходимости «придержать» пассионарного союзника. При всем скептицизме властной российской элиты в отношении кремлевских амбиций А.Г. Лукашенко, предпочтительнее было не рисковать – по крайней мере, до смены Б.Н. Ельцина лидером, не обязанным союзному проекту своей легитимностью. Пиар-кампания А.Г. Лукашенко в России была пресечена, а интеграционная тема – фактически заморожена.

В этот период в Москве, пожалуй, впервые стали рассматривать «союзный проект» и как возможность реальной интеграции. Средства, потраченные на дотирование белорусской экономики за годы интеграции, выросли уже во вполне значимую сумму, и «просто так», ради пиарных целей, продолжение такой практики становилось явно бессмысленным. При этом объединение на условиях Москвы выглядело вполне реалистичной перспективой вследствие явного отсутствия политических альтернатив союзу у белорусского президента. Его конфронтация с Западом, по оценке Москвы, явно перешла «точку невозврата» и фактор критической зависимости белорусской экономики от российского финансирования представлялся более чем достаточным рычагом, чтобы, наконец, взять ситуацию с союзом под контроль.

Выборы нового президента России, таким образом, должны были, по замыслу части стратегов Кремля, дать старт новому этапу интеграционного процесса, который и призван был довершить «переходный период» уже на условиях Москвы.

Демонтаж предпосылок политической интеграции

Как и предполагалось, сменивший Б.Н. Ельцина на посту президента России В.В. Путин не зависел в своей легитимности от «союзного фактора». Более того, рост цен на нефть и начавшийся вместе с ним экономический подъем в России позволили В.В. Путину инициировать и реализовать ряд институциональных реформ, уже прочно закрепивших факт свершившейся централизации Российской Федерации. Зависимость целостности России от демонстрации ее интегративной привлекательности окончательно ушла в прошлое и стала достоянием истории. По идее, у В.В. Путина на белорусском направлении оказались развязаны руки – ничего не должно было препятствовать успешному завершению доставшегося в наследство от Б.Н. Ельцина «союзного проекта». Однако, только по идее.

Ситуация на этом этапе стала кардинально меняться. А.Г. Лукашенко, лишившись властной перспективы на союзном пространстве и ощутив себя пойманным в ловушку, стал активно формировать себе

пространство для маневра. «Подвешивание» союзного процесса с его стороны переросло в осмысленную и просчитанную стратегию.

Так, упреждая возможность «объединительных усилий» России через свою голову, А.Г. Лукашенко, начиная с конца 1999 года, целенаправленно приступает к ликвидации инструментальных и социальных оснований такой возможности, а вместе с ними, кстати, – и оснований политической интеграции вообще. Российские телеканалы лишаются возможности прямой трансляции; одновременно с этим в государственных СМИ Белоруссии начинается интенсивная кампания, не приостанавливавшаяся на протяжении последующих шести лет, по понижению градуса привлекательности России, представляющая ее в качестве «страны олигархов, нестабильности и терроризма». Союзное государство перестало позиционироваться как сколь-нибудь желательная альтернатива, а сам А.Г. Лукашенко все чаще стал заговаривать о превращении «белорусского народа в белорусскую нацию».

При этом на российском направлении, разумеется, продолжались усилия для поддержания у России иллюзии реальности продолжения союзного процесса. Правда, в этом плане сохранять позиции удалось относительно недолго: Кремль при В.В. Путине, взявший курс на реальное объединение, довольно быстро ощутил твердое сопротивление белорусской стороны. Попытки давления, включая и предвидевшуюся А.Г. Лукашенко прямую апелляцию российского президента к белорусскому народу, которая таким образом опоздала как минимум на год, закончились ничем, и Россия в итоге была вынуждена признать невозможность что-либо сделать на белорусском направлении.

При этом, впрочем, и попытки отказаться от «союзного проекта» тоже оказались ничуть не более перспективными: сделать это без существенных политических потерь внутри России было тоже невозможно. Фактор ценности идеи союза с Белоруссией для российского массового сознания, который вполне исполнил роль консолидирующего аргумента в середине 1990-х годов, и который в конце той же декады, по замыслам белорусского президента, должен был сыграть роль стартовой площадки для триумфального завоевания им России, превратился теперь в якорь, вынуждавший уже новое руководство Кремля сохранять «переходный период», в том числе и во вполне материальном плане поддержания особых «союзных» цен на энергоносители. Оставался единственный выход – надеяться на то, что с отказом от идеи союза выступит Белоруссия, что развязало бы В.В. Путину руки. Но такая перспектива выглядела практически нереальной. В «союзном строительстве» наступила новая затяжная пауза.

В таком виде ситуация сохранялась вплоть до президентской кампании в Белоруссии весной 2006 года, когда, наконец, наступила развязка.

Количество переросло в качество. Вопрос о союзной интеграции всегда был раскалывающим белорусское общество: даже в период пика интеграционных настроений в середине 1990-х годов за политическую интеграцию с Россией никогда не выступало более половины населения, в то время как вторая половина была в

большей или меньшей степени против. К 2006 году в дополнение к этому сработали такие факторы, как естественная убыль старшей части населения, не мыслившей себя вне СССР, появление нового поколения, выросшего в условиях независимости и воспринимающего Белоруссию в качестве единственной родины, и уже упоминавшаяся информационная кампания государственных СМИ по дискредитации России. Внутри Белоруссии сложился однозначный общественный консенсус по поводу независимого статуса страны как единственно возможного. Перспектива политического объединения с Россией к 2006 году была приемлемой уже лишь для 6 % населения страны. Добровольное объединение Белоруссии и России в единый союзный субъект стало очевидно нереализуемым.

Белорусский президент не обнаружил иной альтернативы, кроме как провести кампанию под лозунгом «За независимую Беларусь». Россия, разумеется, с готовностью признала выборы, тем самым узаконив и признание полноценного суверенного статуса Белоруссии. «Переходный период» завершился. А.Г. Лукашенко, завязавший в свое время «союзный узел», дал, наконец, В.В. Путину шанс его развязать.

Новая эпоха: начало институционализации двусторонних отношений

В свете вышеизложенного действия России на белорусском направлении, начатые в конце 2006 года, вполне вписываются в концепцию институционализации двусторонних отношений, то есть в процесс, который уже довольно давно произошел в отношениях с остальными странами СНГ и еще практически не начинался на белорусском направлении. Этот переход оказался крайне затруднен – как в силу рассмотренных выше политических факторов, долгое время не позволявших двигаться ни в каком направлении, так и в силу того момента, что с ростом мировых нефтяных цен нефтегазовый транзит на Запад, осуществляемый через Белоруссию и Украину, обрел совершенно иную цену, нежели в период правления Б.Н. Ельцина. «Союзный проект» стал плавным образом эволюционировать в форму взимания Белоруссией оплаты за гарантии безопасности российского транзита, что в полной мере и продемонстрировал нефтегазовый кризис конца 2006 года.

Следует отметить, что на рубеже 2006–2007 годов В.В. Путину все же удалось выполнить свое обещание отделить «мух от котлет»: по заключенным соглашениям вопрос перехода на рыночные цены на газ и «союзный вопрос» оказались разделены. Практика дотирования Белоруссии Россией сохраняется и, очевидно, будет сохраняться как минимум до запуска Североевропейского газопровода (СЕГ), который напрямую «замкнет» Россию и Европу, однако она на глазах меняет свою форму: привычная структура двусторонней зависимости (интегративной целостности России от белорусской риторики на первом этапе и безопасности транзита от «союзной дотации») постепенно, в соответствии с соглашением о поэтапном переходе на рыночные цены, превращается в одностороннюю зависимость Белоруссии от России.

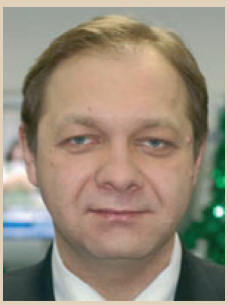
Каким образом справится Белоруссия с перспективным вызовом в виде сокращения или даже полной отмены российской дотации – остается вопросом открытым, ответ на который, очевидно, будет находиться в состоянии поиска на протяжении ближайших трех лет, вплоть до момента запуска СЕГ и, соответственно, исчезновения структурной зависимости России от Белоруссии. Но, в любом случае, очевидно, что отношения сегодня эволюционируют скорее к двусторонней структуре взаимоотношений двух суверенных государств, нежели к союзной структуре.

Ксения Петровна Боришполец – к.п.н., директор Центра постсоветских исследований МГИМО, профессор Кафедры мировых политических процессов МГИМО.

Ирина Вячеславовна Болгова – к.и.н., научный сотрудник Центра постсоветских исследований МГИМО, старший преподаватель Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО.

Кирилл Евгеньевич Коктыш – к.п.н., доцент кафедры политической теории МГИМО.

Центр постсоветских исследований (ЦПИ) создан решением Ректората в январе 2001 г. по инициативе кафедры Международных отношений и внешней политики России. С мая 2004 г. входит в состав Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России.

Основные научные направления работы Центра:

– постсоветские государства в международных отношениях;

– институциональные механизмы и международно-правовая основа взаимодействия на постсоветском пространстве.

– политика России в отношении государств бывшего СССР;

– военно-политический аспект международных отношений на постсоветском пространстве, сотрудничество в сфере безопасности;

– проблема конфликтности постсоветского пространства;

– экономическое взаимодействие на постсоветском пространстве;

– международно-политические процессы в Центральной Азии;

– политико-экономические проблемы Каспийского региона;

– проблемы и перспективы Союзного государства России и Белоруссии;

– международно-политические процессы в странах Балтии;

– внерегиональные силы на постсоветском пространстве;

– тенденции этно-конфессионального развития и русскоязычная диаспора в странах бывшего СССР;

– проблемы культурно-информационного пространства в СНГ.

Директор Центра – К.П. Боришполец.

Научно-координационный совет по международным исследованиям (НКСМИ) МГИМО (У) МИД России создан в мае 2004 года в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов НКСМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

НКСМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО (У) – *Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений* (1976–1990 гг.) и *Центра международных исследований* (1990–2004 гг.).

В настоящее время в состав НКСМИ входят десять научных центров:

- Центр глобальных проблем,
- Центр партнерства цивилизаций,
- Центр постсоветских исследований,
- Центр евро-атлантической безопасности,
- Центр Кавказских исследований,
- Центр исследований Восточной Азии и ШОС,
- Центр ближневосточных исследований,
- Центр региональных политических исследований,
- Центр исследований проблем войны и мира,
- Центр североевропейских и балтийских исследований.

Председатель НКСМИ – А.Ю.Мельвиль, проректор по научной работе МГИМО (У), доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

Директор НКСМИ – А.А.Орлов, профессор кафедры ЮНЕСКО МГИМО (У), Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

Сайт НКСМИ в интернете: www.mgimo.ru/nksmi

«Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России» издаются с ноября 2004 г. Выходят с периодичностью не реже одного раза в месяц тиражом от 500 до 900 экземпляров. Рассылаются в Администрацию Президента Российской Федерации, органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политологические центры, а также крупные библиотеки. Материалы для данного издания готовятся входящими в состав НКСМИ МГИМО (У) научными центрами, а также известными российскими дипломатами, учеными, общественными деятелями.

Сайт «Аналитических записок» в интернете: www.mgimo.ru/az

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru